

Artur Malinowski

Odessa, Ukraina

ОДЕССА КАК ЗОНА ИМПОРТА ЛИТЕРАТУРНОГО ДЕНДИЗМА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Считывание новых смыслов, знаков и эмблематики в уже успевших «застыть» в своей статуарности и составивших незабываемый канон литературной классики текстах согласуется с движением современной литературоведческой и культурологической мысли, стремящейся выработать тезаурус эпохи, способы и приемы дешифровки периферийных зон и пластов, обладающих повышенным потенциалом семиотичности. Примером подобного пульсирования в тексте «заметных незаметностей», то есть многочисленных «интересных» деталей и подробностей, бытовых реалий и ландшафтных дескрипций, модно-галантерейных и гастрономических тонкостей и галантной атмосферы общения может служить путешествие одного из первых русских «европейцев», денди и разочарованных – Евгения Онегина, – в котором удельный вес принадлежит взглядыванию и вдумчиво-проницательному описанию Одессы. За внешним слоем насыщенной информативности, сгущенно-концентрированной дескриптивности, жанровой «энциклопедичности» с отдельными вставными микротекстами-перечнями модных реалий, рестораций etc. кроется мощный потенциал текстуализации с ее «способностью взламывать старые рубрики»¹, то есть переосмыслением привычного, штампированного, неотъемлемого от традиционных, во многом заангажированных, толкований материала.

Традиция описания города, его узуса, лексикона и бытового антуража под антропологическим углом зрения, в оптике человеческого глаза и шире – в разрезе человеческого тела – складывается довольно рано и обретает особую формотворческую и семиотическую функцию в период релятивизации картины мира, повышенного внимания к миру индивидуальности с ее пафосом личностного, субъективного, изнутри переживаемого. В границах романтической художественности всплеск подобного «антропологизма» налицо. Так, Европу в соответствии с

¹ Р. Барг, *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. Составитель и автор вступительной статьи Г. К. Косиков, Москва 1989, с. 414.

частями человеческого тела «разанатомировал» польский романтик Ю. Словацкий, и Одессе в этом описании отводится знаковая роль *losi genius*, то есть пространства с повышенной пассионарностью, энергетикой созидания и перекрестно-диалогического влияния на личность, быт, нравы. На феномен гения места в творческой атмосфере Одессы, причем в связи с Ю. Словацким, впервые обратила внимание В. Саенко. Ссылаясь на текст польского поэта:

Якщо Європа – німфа
Тоді Неаполь – її яскраво-сині очі,
Варшава – серце.
Севастополь і Азов,
Петербург, Мітава, Одеса –
Колюче терня під її ногами.
Париж – це голова,
Лондон – комірець жорстокий,
А Рим – опліччя, –

литературовед приходит к заключению об особом типе пассионарности региональных зон, в энергетике которых преодолевается извечная коллизия между центром и периферией, между общепризнанными и вписывающимися в канон литературными явлениями и второразрядными маргинальными «местными» шедеврами.

Примечательны «ментальный колорит і характер життя Південної Пальміри, доля якої склалася так, що, будучи на периферії імперсько-російського простору, вона ніколи не була провінцією і ніколи не була позбавлена виразного свого обличчя...»². Одеса – «багатогранний образ», інтерпретований як «терня в носі Європи», складний символ амбівалентності життя»³.

Путешествие героя пушкинского романа частично перекликается с воображаемым поэтическим маршрутом Словацкого. Онегин посещает в числе прочего «брега Тавриды», где вспоминает о «вдохновенном» воспевавшем Литву Мицкевиче, впоследствии встречается с автором романа в Одессе, описание которой четко маркируется начальной строкой строфы: «Я жил тогда в Одессе пыльной...». Собирательный карнавалометонимический образ южного города формируется в границах судьбоносной встречи автора и героя и как будто выносится на сцену, на всеобщее обозрение. Действительно, в пределах отдельной строфы конструируется нечто вроде сценической площадки, вмещающей определенное карнавальное действо со свойственным ему «единством в пестроте и хаосе» и преобладанием «властной, всеподчиняющей силы»

² В. П. Саенко, *Сучасна українська література: компендіум*, Одеса 2014, с. 258.

³ Там же, с. 257.

общего над «мельтешением и нестройностью деталей»⁴. К этой всеобщности присоединяется народно-коллективное, в какой-то степени соборное с явными признаками публично-площадной демонстрации действо. Оно по-настоящему живое, предельно одушевленное, сросшееся вследствие своей стихийности в единое нерасчленимое тело, подобное гротескному чудовищу карнавала, то есть «срастанию людей в единое существо»⁵. При этом жизнь его полна динамики, сугубо телесных «шевелиющихся» жестов, исходящих от емких метонимических и в значительной степени градообразующих образов-символов. Приведем строфу с описанием Одессы полностью для более наглядного представления:

Я жил тогда в Одессе пыльной...
Там долго ясны небеса,
Там хлопотливо торг обильный
Свои подъемлет паруса;
Там все Европой дышит, веет,
Все блещет югом и пестреет
Разнообразностью живой.
Язык Италии златой
Звучит по улице веселой,
Где ходит гордый славянин,
Француз, испанец, армянин,
И грек, и молдаван тяжелый,
И сын египетской земли,
Корсар в отставке, Морали.

Как видим, даже на уровне грамматических форм воссоздание одесских реалий напоминает телесные образы карнавала: здесь и «торг обильный / Свои подъемлет паруса», и «все Европой дышит, веет». Среди всего этого «разнообразия» и многонациональной пестроты особое место отводится итальянскому «конструкту», который не только соединяет воедино национально-культурные скрепы, но, воплощаясь в языке и звуча в полифоническом оркестре «улицы веселой», вызывает в памяти традицию карнавальная образности.

Помимо отстоящих друг от друга на солидной дистанции и окольцовывающих пушкинский текст итальянского путешествия Гете и гоголевской апологии Рима, поэтика карнавальная зрелищности становится общим местом литературы этого периода. Как пишет Р. Хлодовский,

⁴ Ю. Манн, *Поэтика Гоголя. Вариации к теме*. Предисловие Ю. Манна, Москва, 1996, с. 15.

⁵ Там же.

«в Риме завязывалась главная, сквозная тема классической русской литературы XIX столетия, тема воскресения, возрождения в человеке человека»⁶.

«Южный» текст обладает особой притягательностью, к нему стягиваются узловые линии художественной антропосферы первой половины XIX века («Арабески» Гоголя, итальянский текст Батюшкова, «О, этот Юг, о, эта Ницца!.. Тютчева, итальянская проза А. Майкова etc.).

Однако сигнатура итальянского отнюдь не сводится к экзотизации изображаемого и преследует насущные поиски прекрасного, идеального в его соотносительности с русскими реалиями. Так или иначе «итальянскость» созвучна многовекторным нащупываниям национального антропологического типа, формированию тезауруса культурно-исторического периода, кристаллизации парадигмы русско-европейских взаимодействий. Т. В. Цивьян пишет о моделирующей функции итальянского антуража в выстраивании бинарных оппозиций: пространственно-ландшафтных, климатических, ментальных, архетипических. Бывшей в ходу и часто эксплуатируемой словесностью была оппозиция море / суша, но не в полярной их разведенности и изолированности, а в соотносительности, комплексно-интегральном сосуществовании и постоянном взаимовысвечивании смыслов.

Тем более это касается литературной рецепции южного края со всей присущей ему ландшафтно-географической атрибутикой рая, чудесного *imago loci*, конструируемого как результат наложения итальянских впечатлений. Безусловно, пушкинскую строку об Италии уместно прочитывать в контексте сложившегося уже в первой половине XIX века «мифа об Украине как благословенном, процветающем крае»⁷. В. Мацапура в исследовании вариантов рецепции Украины в произведениях русских писателей выстраивает целую парадигму «аркадийской» топики «полуденного» края. Это и Аркадия, и Авзония, и Элизиум. В русле мифологизации литературой этого образа сделан вывод Г. Грабовича:

«...вона є всім тим (ідилічним, патріархальним, співучим тощо), чим столиці не є, але вона є “наша Італія”, тобто провінція того самого центру»⁸.

Однако, «онегинская» итальянская реплика, как и целиком вся «европейская» строфа о пестрящей разными ликами многонациональной Одессе, не столько результат мифологизации, наделения реального места фантазийными смыслами, сколько трансплантация уже существующего в литературно-художественном и бытовом сознании образа торгового

⁶ Р. Хлодовский, *Рим в мире Гоголя* [в:] Иностранная литература, 1984, № 12, с. 205.

⁷ В. И. Мацапура, *Украина в русской литературе первой половины XIX века*, Харьков–Полтава 2001, с. 23.

⁸ Г. Грабович, *До історії української літератури. Дослідження, есе, полеміка*, Київ 1997, с. 93.

города и культурного центра юга Украины. Помимо этой функции аллюзивный потенциал «одесской» фразы еще и подготавливает читателя к соответствующему восприятию всей той совокупности «заметных незаметностей», которая разворачивается в главе о путешествии Онегина. Многочисленные итальянско-европейские микрообразы вводятся в текст как уже пересаженные с других источников, переосмысленные в русле имагологической традиции, то есть видения «чужого» глазами «своего», адаптированные в условиях межкультурного пограничья. Образ подобной «пересказанной» реальности вполне уместен в контексте поисков русскими писателями этого времени некоего идеала, точки выхода из «пределов света», «сурового края, глуши севера, едва ли не зоной вечной мерзлоты» к «сладкому итальянскому югу», «краскам и жаркому блеску лучезарной Италии»⁹. По верному наблюдению Т. В. Цивьян, «стремление из пределов света к раю – всегда попытка обретения утерянного, того, что когда-то было своим»¹⁰.

Данная оппозиция не просто присутствует у Пушкина, она окольцовывает перипетии судьбы героя с «сопровождающим» его на «фамильярно» близкой дистанции повествователем. Воссоздавая «петербургский» период биографии Онегина, типовой и для читателя, и для автора, и тем самым солидаризируя их в едином пространстве жизненного мира, Пушкин констатирует: «Но вреден север для меня». Знаменательно, что эти задающие тон поляризованного восприятия мира и отграничивающие *свое* от *чужого* в рамках *с в о е г о* строки, согласно авторским примечаниям, были «писаны в Бессарабии». Передавая же русский сплин своего героя «с душою, полной сожалений», поэт вместе с ним устремляется в воображении на юг:

Адриатические волны,
 О Брента! Нет, увижа вас
 И, вдохновенья снова полный,
 Услышу ваш волшебный глас!
 Он свят для внуков Аполлона;
 По гордой лире Альбиона
 Он мне знаком, он мне родной.
 Ночей Италии златой
 Я негой наслажусь на воле,
 С венецианкою младой,
 То говорливой, то немой,
 Плыва в таинственной гондоле;
 С ней обретут уста мои
 Язык Петрарки и любви.

⁹ Т. В. Цивьян, *Образ Италии и России в последнем стихотворении Баратынского* [в:] Цивьян Т. В. Семиотические путешествия, СПб. 2001, с. 34-38.

¹⁰ Там же, с. 39.

Юг предстает не только топомосом возрождения и духовного обновления разочарованных собратьев, автора и героя, но откровенно связывается с идеей свободы. Строки, в которых оппозиция юга и севера принимает более четкие очертания, также «писаны в Одессе»:

Придет ли час моей свободы?
Пора, пора! – зываю к ней
Брожу над морем, жду погоды,
Маню ветрила кораблей.
Под ризой бурь, с волнами споря,
Когда ж начну я вольный бег?
Пора покинуть скучный брег
Мне неприязненной стихии
И средь полуденных зыбей,
Под небом Африки моей,
Вздыхать о сумрачной России,
Где я страдал, где я любил,
Где сердце я похоронил.

В «онегинском» травелогe накладываются друг на друга пласты «пересказанной» южно-итальянской «картины мира» разной степени соподчинения: это и образы литературно-поэтического происхождения, и условно-риторические клишированные представления, закрепленные в устном бытовании, культуре повседневной коммуникации. Опосредованность и вторичность впечатления от встречи с Одессой декларируется своеобразным введением в «одесский» фрагмент массовой, беллетризованно-второстепенной бытовой рецепции Южной Пальмиры поэтом Туманским:

Одессу звучными стихами
Наш друг Туманский описал...

Без всякого сомнения, представленное описание – результат «вторичной семиотизации» (Ю. Лотман), то есть подвергшейся определенному оптическому всматриванию, дешифровке и снятию покровов первоначально целостного впечатления от встречи с атмосферой южного города. Однако, парадокс в том, что рецепция Туманского действительно «затуманена», опосредована и дистанцирована неким условным экраном, отделяющим реальную Одессу от ее поэтического образа. Картинность и ландшафтный антураж у недавно прибывшего из Франции второразрядного поэта представлены дедуктивно, с опорой на «общие места» европейской и русской поэзии. Тем более, что «исследование» и обзор находящейся в его поэтическом кругозоре Одессы осуществляются с помощью особой стратегии поведения и отношения к миру – *лорнирования*.

Но он пристрастными глазами
В то время на нее взирал.
Пошел бродить с своим лорнетом...

Среди множества предметов и аксессуаров бытового поведения той эпохи Ю. Лотман выделяет наиболее знаковые, наделенные повышенной семиотичностью и особой миромоделирующей функцией. К таковым относится лорнет, ассоциировавшийся с дендистским стилем жизни и поведения и «воспринимавшийся как признак англomanии».

«Туманский, приехавший в Одессу из Коллеж де Франс, где он завершал курс наук, держался по всем правилам дендистского поведения, что и вызвало дружескую иронию Пушкина»¹¹.

В контексте пушкинского романа лорнет – это не только примета эпохи или акцентирующая деталь ее культурно-исторического индекса, это инструмент и способ анатомирования действительности в соответствии с установившимися антропологическими кодами. Однако риторическое «встраивание» и подача материала в уже готовых, дедуктивно заданных традицией блоках, не мешает лорнирующим претендовать на уникально индивидуализирующее вскрытие увиденного. Очевидно, этим и обусловлена пушкинская ирония в отношении «очаровательного пера», прославившего «сады одесские», вместо которых «степь нагая там кругом». Лорнет как атрибут моды и лорнирование как инструмент описания и интерпретации действительности схематизируют и упорядочивают увиденное с точки зрения сформировавшихся поэтических тезаурусов, функционирующих в риторической плоскости параллельно миру денотатов, голой реальности.

Метафорика лорнета как условного «переключателя», семиотического перехода из сурового прозаического хаоса в мир поэзии одновременно обуславливает эффект двойного освещения и скольжения смыслов. Вслед за лорнированием Туманского автор вспоминает о необходимости собственного «несвязного рассказа», представляющего «деконструированный» образ Одессы со всей ее пылью и грязью. Выстраивается список реалий, образующих в совокупности денотативный срез города, «потопленного, запруженного, В глухой грязи погруженного». Все этот неприглядный облик города, равно как и недостаток воды в нем, отступает при виде пестрой, оживленной жизни «благоухающего края».

В довольно динамичную картину последовательно сменяющихся серий городской жизни вписывается камерное, приватное пространство автора и героя. Оно представляет собой своеобразную сценическую площадку, вмещающую и эксцентрическое описание открытого к диалогу и культурно-экономическим контактам города, и гедонистическое культивирование молодыми денди прелестей земного бытия. Однако,

¹¹ Ю. М. Лотман, *Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века)*, СПб. 1994, с. 130.

между данными описательными блоками проведена условная демаркационная линия, превращающая всю картинность и обстоятельственный фон в объект для авторской интерпретации под дендиистским углом зрения. Даже поза для этого избирается подчеркнута романтическая с соответствующими ей штампами телесного поведения:

С крутого берега сбегая,
Уж к морю отправляюсь я.

Подобный поэтический жест наделен повышенным статусом пространственности, позволяя автору занять позицию интерпретатора увиденной пестроты свободного европейского города. Однако обозрение с максимально дистанцированной точки зрения «птичьего полета» сменяется «вмонтированием» собственного кругозора в мир калейдоскопически передвигающихся миниатюрных картинок повседневности:

Потом за трубкой раскаленной,
Волной соленой оживленный,
Как мусульман в своем раю,
С восточной гущей кофе пью.
Иду гулять. Уж благосклонный
Открыт Casino; чашек звон
Там раздается; на балкон
Маркер выходит полусонный
С метлой в руках, и у крыльца
Уже сошлись два купца.

Совершенно очевидно, что подача и дробное нанизывание таких информативно насыщенных и пестрящих эмблематическими смыслами «сгустков» текста была бы невозможной без «разыскательного лорнета». В отличие от увидевшего Одессу «пристрастными глазами» Туманского, автор романа лорнирует по-другому, пуская в ход струю аналитизма, ставя бытовые зарисовки и эскизы под прицел дотошного микроскопического всматривания:

Глядишь – и площадь запестрела.
Все оживилось; здесь и там
Бегут за делом и без дела,
Однако больше по делам.

Далее следует конкретизация этого делового ритма повседневности за счет сугубо одесских реалий:

Дитя расчета и отваги,
Идет купец взглянуть на флаги,

Проведать, шлют ли небеса
Ему знакомы паруса.
Какие новые товары
Вступили нынче в карантин?
Пришли ли бочки жданных вин?
И что чума? И где пожары?
И нет ли голода, войны
Или подобной новизны?

Однако глазами дендистски настроенного автора-обозревателя деловые ритмы одесской жизни передаются со стороны, на определенной дистанции, будто бы мимоходом. Тон перечисления, фиксация характерных одушевляющих туристический и торговый город жестов, индексация социальных, культурных, политических и экономических реалий приближены к созерцательно незаинтересованной позиции, поверхностному взгляду на изображаемое.

Изнутри же освещается мир частной жизни типичного денди и его собратьев, окруживших себя импортированными удовольствиями и формами досуга. Причем между «скользящим» и лаконичным изображением оживившейся площади и типовым описанием одного дня из жизни денди проведена условная граница, формально-грамматически выраженная личным местоимением *мы* и по сути выдвигающая идею о несомненном превосходстве эгоистических интересов узкого сообщества на фоне организующей жизнь города социально-экономической прагматики:

Но мы, ребята без печали,
Среди заботливых купцов,
Мы только устриц ожидали
От цареградских берегов.

Отъединенность денди от всеобщего, непричастность философии «заботы» абсолютизируются, возводятся в ранг принципа повседневного существования за счет гипертрофированного выпячивания изысканной гастрономической сферы и физиологических манипуляций над материально-телесным символом по-дендистски циничного «обжорства» – устрицами:

Что устрицы? Пришли! О радость!
Летит обжорливая младость
Глотать из раковин морских
Затворниц жирных и живых,
Слегка обрызгнутых лимоном.

В этой дендистской дискурсивности вполне ощутимо присутствие «распорядителя пира», занимающего в своей компании такую же снисходительно-обозревающую позицию. По наблюдению О. Вайнштейн,

его «присутствие необходимо для общего тонуса, остроты беседы, гастрономического удовольствия. Эффект достигается не столько за счет горячительных напитков, сколько за счет личности “распорядителя пира” – его чувственной энергии, катализирующей остальных участников»¹².

За всей лежащей на поверхности винно-пиршественной образностью чувствуется именно этот заряд главного участника веселья, предводителя компании:

Шум, споры – легкое вино
Из погребов принесено
На стол услужливым Отоном;
Часы летят, а грозный счет
Меж тем невидимо растет.

Как в калейдоскопе, «картинки» попеременно сменяют одна другую: дружеский пир переходит в посещение европейской оперы с чарующими звуками и «закулисными свиданьями». Оперное пространство, так же, как и досуг в кругу единомышленников, помимо проигрывания ролей, эстетических акций, представляет все возможности для реализации всего потенциала дендистской личности. Это условное место, метафора, в которой соединяются все узлы и составляющие механизма получения удовольствия. Это театр в широком смысле слова, арена для развертывания «опыта страстей» (О. Уайльд),

«механизм “заражения”, подключения к энергии коллективного чувственного бытия, вступления в полноценный контакт с реальностью»¹³.

В письме А. Пушкина брату читаем:

«Я насилу уломал Инзова, чтобы он отпустил меня в Одессу – я оставил мою Молдавию и явился в Европу. Ресторация и итальянская опера напомнили мне старину и, ей богу, обновили мне душу».

Именно здесь «разыскательный лорнет» укрупняет объекты наблюдения, превращая их из рассеянных по всему тексту, разрозненных, «несвязных» деталей в самодостаточные образы. Именно таковым выглядит представление семейной драматической сценки с участием «негоцианки молодой» в рамках отдельной строфы. Проникновение в чужой частный интимный мир оказывается возможным благодаря лорнету, которым вызывающе и неприкрыто орудует денди. Ю. Лотман по этому поводу пишет:

«Специфической чертой дендистского поведения было также рассматривание в театре через зрительную трубу не сцены, а лож, занятых дамами. Онегин подчеркивает дендизм этого жеста тем, что глядит “скосясь”, что считалось дерзостью:

¹² О. Вайнштейн, *Денди: мода, литература, стиль жизни*, Москва 2005, с. 16.

¹³ Там же, с. 417.

Двойной лорнет скосясь наводит
 На ложи незнакомых дам...
 а глядеть так на незнакомых дам – двойная дерзость»¹⁴.

Как видим, культурно-историческая практика лорнирования теснейшим образом связана с пространством художественного текста. Выявленные нами тактики и техники всматривания, прищуривания, зоркого и скользящего по поверхности наблюдения коррелируют с типом подачи материала, тем или иным темпом и ритмом рассказа об Одессе. Согласно идее Р. Барта об обусловленности социального поведения личности грамматикой внешнего антуража, дендизм представляет собой некий сплав этики и техники.

«Денди – продукт соединения того и другого, причем техника, разумеется, служит гарантом этики... определенное телесное поведение дает путь для выработки некоторой мысли...»¹⁵.

Лорнирование, безусловно, вид социально-этической ориентированности в мире, основанный на предпочтении и культивировании сигналетики как сферы подчеркивающих изысков, индивидуализирующе самобытных деталей.

Дендистскую позицию «абсолютно своеобразного видения себя самого» обеспечивает изобретение и добавление в свой арсенал «все новых, бесконечно новых отличительных черт».

Деталь «позволяет денди ускользать от массы, никогда ей не даваться»¹⁶.

Такой деталью в «Онегине» явился лорнет, перерастающий свой «вестиментарный» кодовый статус в системе дендистских вещей и предметных изысков и позволяющий сфокусировать свой зоркий взгляд на пестрой эксцентрике окружающего мира. Иными словами, находящаяся в кругозоре денди деталь порождает множество других «заметных незаметностей», рассеянных по всему тексту культурно-исторических эмблем и знаков.

Текстовый статус лорнирования как телесной и социально-этической практики реализуется в собирании «несвязного» и пестрого рассказа в одно целое. По всей видимости дендистские манипуляции с лорнетом в своей подоснове таят «структурное “штампирующее устройство”, выстраивающее фрагментарно-хаотические впечатления в упорядоченные строфы, в «энциклопедию русской жизни». Подобное «авторское» поведение фатально обречено на победу целостности в первоначально расплывшейся по швам впечатлительности путешественника, преобразующего

¹⁴ Ю. М. Лотман, *Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века)*, СПб. 1994, с. 130.

¹⁵ Р. Барт, *Система моды. Статьи по семиотике культуры*, Составитель и автор вступительной статьи С. Зенкин, Москва 2003, с. 395.

¹⁶ Там же.

«открытый мир реалий в закрытый мир имен», наделяющийся «презумпцией структурности»¹⁷. Разный удельный вес структурности обусловлен избирательностью, приоритетностью взгляда денди, заключающего «целый ряд вещей в невидимые кавычки, увеличивая их или уменьшая в размерах или вовсе изничтожая по своему усмотрению»¹⁸.

Проецируемая на текст антропология дендистского взгляда, видение извне и изнутри *losi genius* и ощущение влияния особой энергетики одесской пассионарности ведет к рассеиванию и последующему монтажному сочленению разнородных «кусков» и «лоскутных» срезов жизни в единую мозаику оживленной и духовно свободной Южной Пальмиры. О такой пестрой, многообразной, многоликой, европейской по своему духу Одессе спустя несколько десятилетий после Пушкина скажет выдающийся польский писатель Ю. Крашевский:

«Облик улиц Одессы открывает, так сказать, физиологию города. Здесь можно увидеть представителей всяких народов, начиная от неопрятного турка до итальянца с длинными черными волосами, грека в пунцовой феске, караима, в татарском своем наряде прохаживающегося по улице, и до европейца, которому скроили платье по образцу Хумана из Парижа Ленгле и Тембюте, наимоднейшие портные в Одессе, по воле моды позволяющие себе полгода шить фрак, который дожидаящийся заказчик находит тесным и немодным. Тут видишь русского с длинной темной бородой и в сарафане допетровских времен ... далее – грека албанского в белой юбке, гранатовой куртке с выпуском, черных чулках и башмаках, подходящей шапочке с огромной синею, на плечо спадающей шелковой кистью; то – снова оборванного турка в грязном тюрбане, разглядывающего женщин на улицах... Все это кричит, ходит, перемешивается, ничему не удивляясь, не потешаясь над собой и относясь к окружающим как к неизбежности...»¹⁹.

Библиография

- Барт Р. *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. Составитель и автор вступительной статьи Г. К. Косиков, Москва 1989, с. 414.
- Барт. Р. *Система моды. Статьи по семиотике культуры*, Москва 2003, с. 393-398.
- Вайнштейн О. *Денди: мода, литература, стиль жизни*, Москва 2005, 640 с.
- Лотман Ю. М., *Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования, заметки*, составитель М. Ю. Лотман, СПб. 2000, с. 487.
- Вайнштейн О., *Денди: мода, литература, стиль жизни*, Москва 2005, с. 289.

¹⁷ Лотман Ю. М., *Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования, заметки*, Составитель М. Ю. Лотман, СПб, 2000, С. 487.

¹⁸ Вайнштейн О. *Денди: мода, литература, стиль жизни*, Москва, 2005, С. 289.

¹⁹ Крашевский Ю. Воспоминания об Одессе, Едиссане и Буджаке // <http://fs.onu.edu.ua/clients/client11/web11/virtgallery/od2014/files/assets/basic-html/page36.html>, С. 37.

- Крашевский Ю., Воспоминания об Одессе, Едиссане и Буджаке [в:] <http://fs.onu.edu.ua/clients/client11/web11/virtgallery/od2014/files/assets/basic-html/page36.html>, с. 37.
- Грабович Г., *До історії української літератури. Дослідження, есе, полеміка*. Київ 1997, С. 93.
- Крашевский Ю., Воспоминания об Одессе, Едиссане и Буджаке [в:] <http://fs.onu.edu.ua/clients/client11/web11/virtgallery/od2014/files/assets/basic-html/page36.html>
- Лотман Ю. М., Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века), СПб. 1994, с. 130.
- Лотман Ю. М., Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования, заметки, СПб. 2000, с. 487-503.
- Манн Ю., *Поэтика Гоголя. Вариации к теме*. Предисловие Ю. Манна, Москва 1996, с. 15.
- Мацапура В. И. *Украина в русской литературе первой половины XIX века*, Харьков–Полтава 2001, с. 23.
- Пушкин А. С. *Собр. сочин. в 10-томах*, Москва 1975.
- Саенко В. П. *Сучасна українська література: компендіум*. Одеса 2014, с. 257-258.
- Хлодовский Р., *Рим в мире Гоголя* [в:] Иностранная литература, 1984, № 12, с. 205.
- Цивьян Т. В. *Образ Италии и России в последнем стихотворении Баратынского* [в:] Цивьян Т. В. Семиотические путешествия, СПб. 2001, с. 29-39.

Artur Malinowski
Odessa, Ukraine

ODESSA AS THE IMPORT ZONE OF EUROPEAN DANDYISM IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

Summary

Odessa as the city with unique creative energy has already become the object of aesthetic reception during its formation period. The free port status enabled the south town to adopt European culture and spheres of socio-economic life. Dandyism found a breeding ground here. It gained its local exotic flavor and authentic semantics in Odessa.

In «Fragments from travel of Eugene Onegin» this historic cultural phenomenon has syncretic image. That is the secondary transplanted model of dandy in St. Petersburg imperial manner and the frontal view of European like fashionista emphasized in behavior and appearance details with Odessa exotica. There is no doubt that borders between them are quite comparative as far as dandyism essence supposes instability and marginal social position.

Obviously, this status enabled to observe the world closely. Text of «fragments» achieves integrity though not monolithic one, but «gathered» one, which is composed from heterogeneous, variegated patches of Odessa life. View of everyday business life and prosaically unpleasant street rubbish and «epicurean» sketch of coffee drinking against the background of awaking and flickering with exotic shine maritime city and sphere of «internal» life of hedonistic company of young people are equally presented but in varying degree of outline. All these play, shimmer with different colors, twinkle with kaleidoscopic shot change and polyphony in focus of author objective lens. Pictures are put in motion and joined with lorgnette. They are endowed with quality of corporality, anthropologic codes and signals which a reader has to decipher.

A definite structure forms and fits in genre frameworks of «physiology» of multifaced, multicultural, tolerant city.

Key words: anthropology, dandy, lorgnette, import zone(adopt), social behavior.

МАЛИНОВСКИЙ АРТУР ТИМОФЕЕВИЧ – родился 26. 04. 1976 г. в г. Ананьеве Одесской области. В 1998 г. закончил Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова по специальности «Русская филология». В 2010 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Обломов» И. А. Гончарова: жанровые особенности и роль в процессе развития русского романа XIX века».

Кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы Одесского национального университета имени И. И. Мечникова.

Автор работ о творчестве И. А. Гончарова, типологии русского романа XIX века, статей по теории жанра, литературной компаративистике, учебного пособия «Аспекты изучения литературных жанров» (2011), монографии «"Обломов" И. А. Гончарова: Аспекты жанра», член авторского коллектива научных изданий «Психологизм в мировой литературе» (2001), «Национально-культурный компонент в текстах мировой литературы» (ч. 1-2; 2004; 2006), «Авторские миры в художественном тексте» (2011), автор разделов коллективных монографий «Модель мира в художественном тексте» (2009), «Авторские миры в текстах мировой литературы. Стратегии анализа» (2014). Соавтор энциклопедии «А. Н. Островский» (2012), «Шевченковской энциклопедии» (2013-2014). Публиковался в научных изданиях Украины, Венгрии, Германии, Польши, России.

Является членом научного совета польского гуманитарно-философского журнала «Idea. Studia nad strukturą i rozwojem pojęć filozoficznych», входит в состав редакционного совета научного славистического издания «Слов'янський збірник». В рамках международного сотрудничества принимает активное участие в развитии славистики в университете г. Белосток (Польша). В 2018 г. в Институте польской филологии (г. Белосток) прочитан цикл лекций по истории славянских литератур. Является постоянным участником международных конференций, проводимых в г. Белосток.

Предмет научных интересов составляет литературная антропология, культурно-исторический тезаурус украинской, польской и русской литератур XIX века, имагология, культурология этноментальностей, поэтика второстепенного и периферийных зон текста.

Член Пушкинской научной комиссии Дома ученых, литературно-мемориального центра краеведческих исследований (Мемориальный музей К.Г. Паустовского), Греческого фонда культуры.